

Книга с полки

Диалектизм «у.е.динения» — книги Сусанны Армянян (Тбилиси, 2010)

Мысли серьёзные и интересные, забавные, шуточные, пессимистичные, бесполезные; изречения остроумные и не очень, выпуклые, плоские, двусмысленные, натянутые; и слова, много-много слов, и разнообразная игра с ними — логическая и нерациональная, качественная и количественная, звуковая, морфемная, лексическая; а также изобилие всякого рода анафор, метатез, метаграмм, алогизмов, сдвигов, — всё это мир автора, его вольность и право, личный мир находок, потерь, поисков и заимствований.

Мир, одновременно неузнаваемый и узнаваемый, с таким промежуточным явлением в нём — как человек, находящийся между приятием и неприятием его и своей действительности. Мир — не то сказка, не то быль, с какой-то смещённой реальностью того и другого, не имеющей отношения ни к жизни, ни к смерти, ни к правильному, ни к ошибочному, ни к правде, ни к выдумке, ни к силе, ни к слабости, ни к поэзии, ни к прозе. Мир зауми и абстракционизма, атональности, абсурдности, карикатурности и семантического произвола. Взглянуть на него и предлагает автор. Взглянуть глазами недифференцированного человека, как бы теряющего собственное определенное место в действительности вещей и явлений, но все же выделяющегося своим присутствием и некой жизнедеятельностью среди них.

По-настоящему философская, заглавная, начальная, мысль открывает книгу. Она состоит в тяготении человека давать имена вещам вокруг себя. И, подчиняясь необходимости, именуя их, этот, если можно так сказать, номиналист, перестает отличаться от вещей, а они, со своей стороны, становятся похожими на него. Таким образом, человек, искажая реальность одного, искажает реальность другого и самого себя. И его высокое «Я» превращается в низкое «ячество». Это хорошо показано в пьеске «Дворник в поисках веника» через всех действующих лиц, и особенно Извращенца.

Деформированная реальность владения вещами, их связь, вывернутая наизнанку и наделённая человеком своеобразным значением для себя, и взаимовлияние объекта и субъекта, вещественной и разумной сторон жиз-

ни, кончающееся их неразличимостью, и делает возможным «*тиканье шагов*», «*отели с видом на морепродукты*», «*ясные тени*», «*призраки пива*» и многие другие несурзности, — целое «*Озеро Случайных Совпадений*», — которыми полна книга. Не делает это возможным и достижимым только одно — самоименование. Правда, в дистихе «*Кирпич*» автор берёт немного другой ракурс, говоря: «*Кирпич на облаке летит. // Он видит всё не так, как я*». Значит, всё-таки кирпич сохранил своё собственное имя, свою самобытность, хотя и пришлось ему для этого забраться на облако (точнее, его туда пришлось забросить), а сам человек сохранил своё «Я», хотя для этого он опустил себя до сравнения себя с кирпичом, пусть и заоблачным. Ну, что же, лучше, наверное, так, чем никак вообще.

Итак, именование вещей обусловлено стремлением человека обрести собственное имя и, с другой стороны, — жадной общением. И хотя он, этот «*Человек неразумный, // Выпрямившийся, но ещё не умелый*», поневоле овеществляющий себя, ищущий выход, «*ищущий пару*», продолжает принадлежать себе, он всё же окружён частичностью и бессмысленностью существования. И вся его творческая активность, пытливость, особенность и трудоспособность — не более, чем фантазмагория, «*пыльные тома на полке в кабинете... скажем, Феба*». Вся умственная деятельность заключена, специфически выражаясь, в сорасчленении слов и смысла, вещей и себя. А всё существование призрачно — во всём и везде — и смехотворно.

В книге есть немало юмора. Но, на мой взгляд, не затрагивающего душу, не искреннего — это, скорее, комизм, трюкачество, с какой-то определённой смысловой подоплёкой и каламбурными фигурами речи. Он несколько ста-

тичен, хотя и не полностью искусствен и не лишён здравого задора.

Весьма хороши и заслуживают внимания отстраненные от прочих произведений образцы суггестивной лирики. Таковы — «Отчужденец», «Катушка», «Трагеография» и дватри без названий, из которых особо выделяется «*Если его колбасой по башке стукнуть...*». Все они экспрессивны, динамичны, но последний еще и психопатичен. В нём прочитывается и проступает человеческое существование, как постоянное нервное напряжение. Весь стих напичкан обиходными мелочами, которые к тому же, из-за отсутствия пунктуации, невзначай смешиваются, переходят друг в друга. Это и вызывает болезненное головокружение, беспредельную нервозность, но не абстрактную, а сугубо личностную. Вещи как бы ударяются, сталкиваются, раз-со-бираются, а человек будто не может окончательно освоить их, сделать похожими на себя, и себя — на них. Промежуточная реальность вырисовывается и сказывается здесь чётче всего, поэтому и ощущение нагнетается такое, что «*то ли уходишь, то ли возвращаешься*». Это превосходный стих, по крайней мере, предпочтительнее остального в книге, в которой есть ещё немало лишнего, «всего такого» — в лучшем случае, экспериментального, но никак не нового.

Венчает книгу примечательная реплика: «*Это всё — просто ошибка переписчика*», — в целом, подтверждающая её понимание, как сочинения искаженной реальности и условной словесности.

Я думаю, оставить эту промежуточную, неразличимую, призрачную область словотворчества и направить силы в области, более богатые смыслом, явные своей красотой и действительные в своём исконном становлении, не будет ни ущербным для автора, ни снижением его актуальности. Тушью написанному «у.е.динению» не хватает палитры красок, живописности, обыкновенно-чувственного и чувствуемого ощущения, которое так необходимо для создания художественно ценного литературного произведения.

Лингвистическая симфония Сусанны Армянян

Поиски новых форм выражения, а зачастую – особого ракурса мыслетворчества, сопровождали мировую литературу на всем протяжении ее существования. Но сегодня речь пойдет о литературе замкнутой – ментально и географически – о русской литературе Ближнего

Зарубежья. Вышеназванные факторы делают её особенной ещё и потому, что практически исключено какое бы то ни было влияние на неё извне, а тем более взаимопроникновение с подобным ей организмом чуждого «происхождения». Однако именно изолированность этой отдельной во всех смыслах слова литературы обеспечивает её самобытность, и, следовательно, индивидуалистическое сознание автора. В данном случае автор одинок в творческих исканиях, он остаётся собой и в качестве багажа в подавляющем большинстве случаев имеет классический сет из шедевров мировой литературы, напутственно вручённый ему вместе с документом, ведущим во взрослую жизнь. Его лексика чиста от паразитарных наслоений среды, характерных для языконосителей, он готов становиться и оставаться собой. Эти тенденции являются составной частью лирики тбилисского поэта Сусанны Армянян:

*Написать стихи про голос
Про замеченный автобус
И упущенный из рук
Золотой значок дракона
Бисер Джима Моррисона
Вмиг упущенный из рук*

*Написать стихи про силу
Что земля даёт кизилу
Про упавший на глаза
Ветер крыльев Моррисона
Тонкий след хвоста дракона
Так упавший на глаза*

Поэзия Сусанны Армянян – это прежде всего личностный апофеоз, очень выверенные и одновременно свободные взмахи пера лингвиста...

навеивающие ассоциации со слогом Эжена Ионеску, постмодернистскими виражами предложений и квартирным уютом Сальвадора Дали.

*Смотреть всё равно куда –
вверх или вниз
Стоит на углу перелётный Улисс
Странник по странному
городу с кличкой Тифлис*

*Планета плана, плантация грёз,
Придумай ответ на послание SOS –
За каждым ответом
С упорством маньяка
крадётся вопрос.*

Очень чёткое Я – не Эго в понимании психоанализа – а Я как первая буква алфавита в азбуке творца – является базисом этой лирики, зачастую отнюдь не лиричной. Ребусы, игра слов, перехлёсты рифм выдвигают на первый план творческую прихоть автора, из которой и рождается данная словесная эквилибристика, с почти северянскими рефренами.

*Не заставляйте меня делать
То, что мне не хочется,
Пусть меня по миру –
Пешиком или на лодочке.
Увидеть я хочу
То, что никто не догадается.
Наверное, я вылезу
На самый белый свет...*

Те же тенденции мы наблюдаем в сборнике Сусанны «у.е.динение», в котором можно обнаружить различные канвы литературных жанров – басни, сказки, поэмы, рапсодии. Смысловое же наполнение отдаляет читателя от «форматов» и приближает его к фантазийному миру поэта.

Безусловно, книга очень современна. Она выросла из тех зачатков хорошей русской классики, прививку которой

ещё успело получить поколение современников автора. Но книга ни в коем случае не апеллирует к классической модели искусства, напротив – она ломает её, корежит во имя новых ростков современности, пробивающих поодаль от громады-предтечи.

Невозможно обойти вниманием вышеназванную лингвистическую канву поэтических текстов Сусанны Армянян. Игра слов, точно так же, как и жонглирование метафорами, позволяют угадать под маской лирического героя филолога-языковеда.

*Ветрево, ветрево,
Воедиво, воедиво, воедиво.
Было двое, стал один,
Выспался, умылся.
На руке кольцо, на кольце пыльца.
Стало мне скучно,
Стала я плакать,
Собирала ветрево,
Заплетала воедиво, воедиво.*

Это – всегда своеобразие стилистических приемов и наслоение на устоявшиеся в поэзии клише собственных приемов и неологизмов. Мы уже наблюдали подобное у Велимира Хлебникова, Ильи Зданевича, у эго-и кубофутуристов. Но творчество Сусанны ещё раз доказывает, что данное течение в литературе ещё не завершено и время от времени находит отражение в произведениях наших современников. Это – ещё одна ипостась Жизни литературы, доказательство её незабываемости, одновременной изменчивости и многомерного постоянства.

Ирена КЕСКЮЛЬ

Сусанна АРМЕНИЯН

* * *

Человек неразумный,
Выпрямившийся, но ещё не умелый,
Ищет пару.
Роскошь человеческого общения –
Она несравнима она с
прелестью обобщения.
(Обещания не в счет.
Отождествление обожания с
овеществлением невозможно).
Подобна она обручению
двоякопонятого
двоякодышащего некоторого
нечётко определённого –
с инакомыслящим.
Предположительна она.
В общем, сама собой она
Разумеется, экстравертна она.
Разумеющаяся непогрешимость
достопримечательностей она
предполагает она наличие
вылупившихся вовне отмучившихся,
извлечённых.
Приводит она к размежеванию она,
к расслоению и отчуждению оных.
Но в целом она
невысказанность отражает,
бессмысленна она,
возвышение косвенно подвигнуть
может ежевечерне.

* * *

Если его колбасой по башке стукнуть
Он наверное обидится и изменит цвет
Своих одежд но это ещё не всё
Не стоит выходить на балкон, да,
Когда ещё четверг и дождь моросит
Давай лучше спустимся вниз
Нет на лифте не надо пешком
По лестнице тут осторожно держись
Бетон раскрошился арматура торчит
Одна ступенька шатается вот
Ты что, эй, в домашних тапочках
прямо
С ума сошла, не отвлекайся, ну
Хорошо никого не будем по башке
Колбасой, просто спустимся, хотя
надо бы
Для острастки или для отвода глаз.
Спустимся вниз тут тоже шатается
ступенька, а дальше хуже, смотри
разной высоты или вообще дырки
и толстая сидит в засаде кошка
сначала неподвижная потом вдруг
ускользнет вбок как-то так беззвучно
Тапочки не теряй уже давно третий
этаж, голоса в лифте, кто-то наверх,
а мы вниз, в дождь, давай быстрее,
смотри, вот божж лежит в углу рядом
с чёрной дверью в подвал вонючий
и потрёпанный как выброшенная
книга
На улице дождь прошёл уже ночь
вместо дождя ты идёшь рядом
в тапочках хотя никому не видно
и все равно, в тапочках или нет,
а если подняться обратно домой,

увидю, увидю. А тут - не вижу пока...
Не надо думать, это легко,
Не надо думать о нём снова
и снова, не надо, это легко
проверить одним нажатием кнопки
дура в тапочках домашних зачем
разве нельзя было ботинки и зонтик
Но ведь дождь уже кончился
А вдруг снова, а вдруг дождь,
Уже нет, уже нет, дождь, а вдруг...
красиво тихо холодно сыро
на небе горит страшная звезда
одна, белая, огромная, спокойная
Ты выходишь из зеркала,

выходишь, а я
прячусь за тобой. Договорились, да?
А потом решим, как быть, наверное
вернёмся назад когда-нибудь ещё,
не топтать же вечно в тапочках
по улице
лужи и холодно, а ну тебя с твоими
дебильными тапочками, надоела,
ну вот, не хватало ещё - поспоримся,
нет, не поспоримся!
нет, поспоримся!
нет, не поспоримся!
всё же думаешь снова, да, думаешь,
а надо просто ходить, смотреть
говорить слова улыбку бровь
жест дыхание чай две ложки
сахара соли щепотку кусочек
сыра жми на кнопку жми!
мышеловка испортилась, памятник
сошёл
с ума и гуляет прямо по набережной
жми на кнопку, а ты в тапочках,
и то ли уходишь,
то ли возвращаешься.

ТРАГЕОГРАФИЯ

Сахарной ватой слегка
Подсластили пулю.
Дали волю рукам.
Ам! Трали-вали.
Подковали львиную дулю.
Потом – не взирали. Отмеряли
Милю за милей.
Было такое намерение – море
измерить.

Однако по свежим данным
(непроверенным)
Моря осталось немерено.
Чаёк. Хороший чаёк.
Чайком подманили чаек.
Один чувачок выпил чайку,
заплыл за буёк.

И на дно залёг.
А кто не доплыл до буйка,
Тех не забыли. Деньги вернули.
Выбили чек. На чеке нули.
Канули в Лету три корабля.
Команда - ля-ля у руля.
Сели на мель, моль ловили,
Мелом по водам водили.
Играли, искали Грааль.
Переиграли. Выскочил лишний
бемоль.
Девятый коленчатый вал.
Сладкая пуля.

Мухи кружат над мушкетом.
Том первый меняю на третий,
четвёртый, пятый, шестой.
Три корабля (два полных, один
пустой) канули в Лету.
Том первый меняю...
Вилка и нож валетом. Вето
Наложено на табу. Забу...
Забудь. Забудем. Забудут. Забыли.
Липкая пуля. Летает, вьётся.
Атлант по колено погряз в земной
шелухе,
Ещё немного - зароется весь, как
талант.

Чтобы потом пробиться
Фальшивым подорожником
Сквозь асфальт.
Но держит ещё над уровнем
Активно мыслящей пыли
бесперебойная бойня.
Кажется, вновь у руля тополя
Вздремнули, вздрогнули. Всё фигня.
Чур меня!
Меняю том первый. Три корабля.
Играли в Грааль... Ля. Ля бемоль. Ля.

ОТЧУЖДЕНЕЦ

А помнишь, ещё в том, другом веке,
Когда бетонные слоны стояли
многообещающе,
И мы ещё не знали, не знали ничего,
Не знали ничего такого.
На календаре вычёркивались недели,
Неделимые, звёздные, подобранные
одна к другой.
Я шла по улице, твёрдая как алмаз,
Я шла с тобой, спящим у меня
на плече,
Я шла гордо и звонко, не боялась
тебя разбудить,
Ты был флагом, допингом, ягодой,
кнопкой «пуск»,
Попугаем, знающим слово
«пиастры».
Иногда я прятала тебя в букваре.
Да, я не боялась прятать тебя,
Ты складывался вчетверо.
Ты складывался самостоятельно -
Умело и элегантно. Ты не ломался,

не сох, не выцветал.
 Нипочём тебе были медные трубы,
 бледная моль,
 доводы разума.
 Поднимал воротник. Говорил. Решал.
 Тебя можно было разбить и склеить.
 И я была очень серьёзной – с тобой,
 спящим у меня на плече.
 И я была очень серьёзной причиной.
 И очень серьёзным препятствием.

КИРПИЧ НА ОБЛАКЕ

Кирпич на облаке летит.
 Он видит всё не так, как я.

* * *

Кролик смотрит на удава
 Львёнок – на черепаху
 Рыцарь – на дракона трёхглавого
 Гойя – на обнажённую маху
 Ли Бо – на Басё
 Баран – на ворота
 Жандарм – на сыщика
 Сыщик – на жандарма
 (карма, карма!..)
 Ещё кое-кто – на кого-то.
 Это всё –
 просто ошибка переписчика.

* * *

Самый налаженный метод –
 Когда уже поздно деликатничать –
 Это называть вещи своими именами
 Вместо их собственных,
 Потому что хозяин в процессе
 владения
 Становится похожим на свою вещь.
 Это правильные игры,
 Рождённые из подстрочников,
 Поражённые трехмерностью мира
 И сделанные на совесть.
 Мы с тобой из одного теста, ты и я,
 Маугли, похищающий угли...
 Расцветает в сумерках Аленький
 Цветок,
 Меч медленно опускается
 в звенящий камень
 По самую рукоять, покрывается
 льдом.
 И вещи, привыкая к нашим именам,
 Становятся похожими на хозяев.
 Застигнутые врасплох, пойманные
 с поличным,
 Мы сворачиваемся в глубине души,
 Как пружина-улитка в скорлупе
 будильника.
 За стеной тикают чьи-то шаги.
 Невидимые хозяева проходят мимо,
 Несут вещи, названные их именами,
 И всё крепче забывают, как отличить
 Себя от них.

УЛИСС

Смотреть всё равно куда – вверх
 или вниз.
 Стоит на углу перелётный Улисс,

Странник по странному
 городу с кличкой Тифлис.

Планета плана, плантация грез,
 Придумай ответ на послание SOS –
 За каждым ответом
 С упорством маньяка крадётся
 вопрос.

На груди у Улисса –
 Защитный Экран.
 Он в гитарный футляр уложил
 дельтаплан.
 И в нагрудном кармане его есть
 особый секретный карман.

Идти всё равно куда – вверх или вниз.
 Полночные улочки, спящий Тифлис...
 Иди, куда шёл, но потом
 возвращайся.
 Иди, куда шёл, но потом
 возвращайся,
 Дружище по кличке Улисс.

КАТУШКА

Лес... Шёл, молчал. Дом увидел, зелёный. Поближе-поближе... Сквозь
 мох: стены сложены из серых кирпичей. Удивился: в лесу?... Отдохнуть...
 Зашёл. Вечер: был светлым.
 Лежал на позванивающей голой железной сетке. Кровать – з-з-з, с-с-с;
 з-з-з, с-с-с... – сторожила его вдох-выдох. Разгонял дымом от сигареты
 комаров. Смотрел в окошко над кроватью: железные полосы, две
 вертикально, две поперёк.
 Как в тюрьме /подумалось/. Сна не было.
 Смеркалось. Девушка вошла. Сколько тебе лет? /после разговора ни о том,
 ни о сем/.
 Пятьдесят... /хитро улыбнулась, блеснули зубы в такт белкам глаз/ ...тысяч
 /добавила тише/.
 Я же не умер? /осторожно поинтересовался/.
 Нет /ответила/, и я не умерла. Забавно. Заблудился?
 Нет. Сплю, устал...
 Не спишь /она перестала улыбаться/. Хочешь пить?
 Девушка отняла от живота руки, поднесла к его лицу сложенные вместе
 ладони. Он поражённо припал к воде, холодной и чёрной от страшной
 глубины...
 Прозрачный рассвет. Лес стал оживать, стыдась человеческих шагов.
 Птицы...
 Около шоссе исчезла, сунув ему в ладонь катушку с белыми нитками.
 Только понял: она же шла рядом всё утро! И так незаметно... Нитки, как её
 зубы, белые.
 На повороте стоял обелиск из таких же кирпичей, как дом в лесу.
 Подошёл, прочитал. Трое, незнакомые, разбились тут на грузовике, и, как
 водится, обелиск.
 Отошёл. По кромке. Трава залезла на асфальт, ложилась, как пальцы
 на край стола. Было так тихо – и сразу скрежет, грохот, визг тормозов.
 Обернулся. В обелиск врезался автомобиль. Десять секунд тихо – снова –
 а потом взрыв.
 Надо будет /подумал вдруг/ добавить новые имена на обелиск. Долго
 горело, долго-долго. Не знает, сколько, – ушёл. Может быть, она знает...
 Ему надо в город. Рюкзак тяжёлый. Катушка в ладони.

ЛАБИРИНТ

Она ушла, а он пришёл
 И породнился с Интернетом,
 Без стука, боком, в лифт вошёл
 И лёг засаленным валетом.
 Ему смущённо снился сон,
 И ей на лестницах вздремнулось.
 Прошел маляр, сказал «Пардон!» –
 Она кивнула и проснулась.

Они входили в лабиринт,
 Теряясь в театральной ложе.
 Он забредал в случайный лифт
 И лез из лягушачьей кожи.

Он выходил и исчезал,
 Она летела и смотрела.
 И он почти её узнал...
 Но лампочка – перегорела.

Они вошли – и разошлись.
 И каждый шёл по одиночке.
 Он возносился к высшей точке.
 Она – пыталась обойтись.

Они спалили лабиринт,
 Она беспечно оглянулась.
 На полпути ему моргнулось –
 И с визгом оборвался лифт.

Георгий МЕЛИКЯН

ДЕБЮТ

***

Куда я попал? Подземелье. С влажного потолка капает вода. Бесчисленные капли, ударяясь о каменные плиты, невыносимо бьют в мозг. Через дыры на потолке сюда попадает рассеянный свет.

Мерзкий холодок страха мурашками прокатывается по всему телу. Майка прилипает к телу. Пот. Запах страха... И любопытство.

Иду...

Внезапно из-под ног выскакивает крыса. Писк. Сердце подпрыгивает. Застревает в глотке.

Иду...

Слышу журчание. Озеро. Странное бульканье. Усиливается. Паника потихоньку охватывает меня. Инстинкты подсказывают – бежать. Но я не могу сделать и шагу. Тело не слушается. Только дыхание, я могу дышать. И всё.

В озере воронка. Она увеличивается. Страшный гул усиливается. Водяной столб поднимается до гигантских размеров.

Наконец, чувствую, что могу бежать. Мои конечности обрели чувствительность. Но. Поздно. Вода засасывает меня...

Успеваю набрать в лёгкие побольше воздуха.

Вода вокруг. Меня переворачивает, вертит, кидает.

Сколько секунд прошло, не знаю. Внезапно куда-то выбрасывает...

Тру глаза. Осматриваюсь.

Я дома. Лежу в кровати. Простыня смята. Пот. Дыхание. Биение... Сердцебиение. Сигарета. Сон...

Я

Он вскрикнул от ужаса. Он потерял своё тело.

Не было ничего, кроме не меркнувшей искорки сознания. «Я есть!»- пронеслось в мыслях.

Как светлячок, парил он в непроницаемом мраке. Чувствуя, осознавая, но, пока не понимая, как это у него получается без материальной оболочки...

ПУСТОТА

Это была Пустота. Пустота Вечности. Бесконечности.

Пустота ледяного огня. Пустота ужасающе-громкой Тишины. Пустота, полная Ничто. Пустота не покоя, а просто момента нереальности какого-либо движения. Пустота, глубину которой невозможно измерить. Глубину которой невозможно постигнуть. Пустота, где отсутствует понятие Времени.

Пустота Преисподней.

Которую я переплыл...

ДЕФЕКТЫ АНАТОМИИ

Твои поступки становятся всё хуже и хуже. Ты убиваешь чужие души, переступаешь через чужие судьбы. Прекрати это. А то льдинка сердца превратится в камень. Слушай своё сердце, оно не подскажет плохого. Но тебе всё равно.

И ты чувствуешь ужасающую боль в грудной клетке. Ощущаешь, как твоё сердце начинает биться о рёбра, словно пойманный зверёк. Затем ты чувствуешь в груди

движение, тебе не хватает кислорода, удушье тисками сдавливает твоё горло. И что-то начинает двигаться вверх, разрывая ткани. От жуткой боли туманит сознание, мир вокруг начинает меркнуть, ты чувствуешь какой-то комок в ротовой полости и выплёвываешь...своё собственное сердце...

Есть люди, которые не нуждаются в нём, которые превращают его в ненужный орган.

Смотри, не потеряй своё собственное сердце...

ПОГРУЖЕНИЕ

...Я падаю. Вернее, погружаюсь. Если можно так сказать. Что-то среднее между жидкостью и твёрдой средой. Но оно не вязко. Определить, что это, невозможно. И мой зрачок постепенно определяет цвет. Но, Боже, ультрафиолетовый диапазон же невидим! И я откуда-то знаю, что это ультрафиолет.

Опускаюсь ниже. Цвет ещё более странный. Как бы подобрать...Он и прозрачный, и белый одновременно. Внезапно замечаю какие-то странные тени. Не то скользящие, не то парящие. Странно. В какое измерение я попал?..

Тени принимают реальные очертания, рельефизуются. И я уже вижу их. Из них сочится не свет, а...тусклая мгла, как бы предрассветные сумерки.

Видю четыре, нет, пять светящихся зелёным светом глаз, но это не обычный свет. Какой-то блеклый. Может, ультразелёный?..

Чувствую ледяной холод. Как больно!.. Ощущаю, что он проникает в душу. Это нестерпимая мука!!! В руке оказывается меч, отдающий льдом. Бью наотмашь. В вопле существа что-то необъяснимое. От него замедлился пульс, приостановилось дыхание. Но я уже опускаюсь ниже..

Подхожу к цели. Мои глаза обрели какие-то фантастические функции. Я вижу прозрачные нити, пересекающие эту среду.

Меч обрёл багровый окрас. От лезвия исходит пар. Рублю эту «паутину». Расплавляю её, очищая себе дорогу. И, наконец, вижу...не окружность, не овал, а...нет, такой геометрической формы не бывает, мозг не верит увиденному.

Но думать нету времени. Секунды взятой взаймы силы исчезают. И даже не хочется думать, чем придётся за неё платить...

Напрягаю всю собранную мощь. Разрубаю пополам матовую ёмкость. Из неё вырывается мгла чернисто-чернильного цвета. Вижу её, окутанную серебристыми канатами. Взмах клинка, и она падает мне на грудь. Тело синее, но пульс, еле слышный, ещё бьётся на шее. Торпедой взмываю вверх. Надеюсь только на скорость.

Боковым зрением замечаю исполинскую фигуру. Ускользаю из-под её щупалец, напоследок отрубая последний.

Откуда я проник сюда, уже затянуло. У меня минута. Не больше. Но меч не подводит. Расширяю проход...И вырываюсь.

Достаю голубоватую жидкость. Вливаю несколько капель ей в горло. Агатовые глаза открываются. В них застыла боль. Но я со счастливым вздохом прижимаю её к сердцу. Получилось!

Микварадзе

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Владимир Леонович родился в 1933 г. в Костроме. Учился в Одесском мореходном училище, Военном институте иностранных языков, на филологическом факультете МГУ, но не закончил их. Работал учителем русского языка и литературы, лит. сотрудником в газетах и журналах, разнорабочим в Сибири, Грузии, Костромской обл., Карелии. Печатается с 1962 года. Автор книг стихов: Во имя. М., 1971; Нижняя Дебря. М., 1983; Время твоё. Переводы из грузинской поэзии. Стихи о Грузии. Тбилиси, «Мерани» 1986; Явь. М., «Дом Цветаевой», «Праминко», 1993; Хозяин и гость. СПб, «Формика», 1997. Стихи, переводы и статьи о поэзии публикует в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов». Переводил поэтов Грузии и Армении. Печатает также прозу: Ветви-наветви. - «Знамя», 1996, № 4. Член СП СССР (1974; выбыл по собственному желанию). Председатель комиссии по литературному наследию Д.Голубкова (с 1990), член редколлегии альманаха «Предлог» (2000). Экологическая премия «Водозерье», премия им. И.Дедкова (1999).

Из книги «ВРЕМЯ ТВОЁ»,
(Тбилиси, 1986,
Издательство «Мерани»)

* * *

Сквозь дождь и дерево нагое
свет фонаря едва прошёл –
как ломкой золотой дугою
широкий вспыхнул ореол!
И поэтическое зренье
подобную имеет власть:
вся жизнь вокруг стихотворенья
сомкнулась и переплелась.
Я вижу свет перед собою
и жизнь кругом, и вся она,
и каждая черта – любовью
осмыслена, озарена...

* * *

Ты погляди, как ветви ели
вливаются в единый ствол –
для дальней, невозможной цели.
Она – не имя, но глагол.

Ты укажи, в котором месте
на океане мировом
стоит пустынный Остров чести –
ты ревновал о таковом...

Имён своих великолепелье
несовершенство бытия
влачит, как золотые цепи.
Вперёд, словесность, жизнь моя!

* * *

Вижу: давно идёте,
в гору стволы креня.
В вашем добром народе
не хватает меня.

Лес наброшен на горы –
плавной складки руно.
Марево – вечный Город.
В Городе том – Окно.

Под Окном спозаранку
тополь сходит с ума:
вся листва наизнанку,
без ветра, сама.

Каменные ступени,
медленные облака.
Здесь, на краю терпенья,
и постою пока.

В ГОРАХ

В тени полупрозрачной траура
прошла она – не шелохнулась –
и вслед за нею имя – Лаура –
хрусталь воздушный – протянулось

И марево над камнем выжженным
дрожало и переливалось,
и сердце помыслам возвышенным
и скорби женской предавалось,

Носи легко одежду яркую,
не урони гордыню вдовью –
как я легко дышу с Петраркою,
утешенным твоей любовью.

ГАЛАКТИОН ЧИТАЕТ

Уже в ветвях черно и голо
и лес во тьме – или в огне –
и дух поэта вне глагола,
и слышать хриплое тремоло
уже невыносимо мне!

Твои голосовые снасти
так оттрепало, как листву,
но память жизни, память страсти
на старости – как наяву.

Я отмолю тебя, омолнив
живую рамою – прости! –
но слово – счастьем – переполнив –
не удержать, не вы-нес-ти!

* * *

В скалу врезается асфальт
орлиными кругами –
знакомый
нежный

резкий альт
звонит в минорной гамме,
и плавной забирает вверх,
и рвётся в крике слёзном,
и гаснет, словно фейерверк
в грузинском небе звёздном.
Но вот как будто закружён
на высоте альпийской
и педагогом отделён
от крика и от писка.
И я стою, заморожён,
у выгнутых решёток...
А в памяти – какой-то фон
каких-то хриплых глоток.
О, как я мучился, немел,

как – с третьего стакана –
– Р-ревела буря, гром гремел...
безбожно бесталанно.
Не обижайтесь, ничего...
Здесь верхняя октава
и завтрашнее мастерство.
Не обижайтесь, право!
Но мальчик в песне будет – весь,
и зал не стерпит фальши.
А вы как будто –
всё не здесь.
Куда ни кинь –
всё дальше!

* * *

Одна черешенка стоит
в долине Алазани –
её вином земля поит
и небеса – слезами.
Красным-красно,
белым-бело,
и в первый раз ей тяжело,
и ветви ломит ей.
И я стою среди ветвей
и говорю:

– Плодами!
Плодами дерево цветет,
и Грузия –

плодами.
Так было в день блаженный тот
при мастере Адаме.

* * *

Это что же?
Это март ли –
бесноватый, гиж*?
Не похоже,
Дэда** Каргли:
синева и тишь,

Завтра
где-нибудь в Николе
и давным-давно
замечаю поневоле:
тихое
о н о .

Сонный-сонный,
гижи-гижи
голубой январь:
обернись, гляди –
глядя же,
мыслящая тварь!

* гиж, гижи - сумасшедший

** дэда - мать

* * *

Энциклопедия
всей любви:
только живи,
только живи.

Только бы сил хватило,
чтобы – пережила –
долго бы приходила
и на совсем пришла,

Энциклопедия
всей любви:
только живи,
только живи,

ПИРОСМАНИ

Э. Амашукели

Непринужденно и легко
такое сходится – взгляни-ка –
ты видишь, как стоит Нико?
А помнишь, как летела Ника?
Что значит воля? То, что он
пред богом – вольно и сурово
от имени всего живого
стоит – коленопреклонён.
К груди овечку прижимает
дрожащую – и обнимает
руками и накрыл плечьми:
– Её спаси – меня прими!
Грудь – впадина: движение птицы
крылами заслонить птенца.
Попробуй – выломит ключицы!
Смысл жертвы – жертва до конца.
Душа художника горда
и не умеет покориться,
но чудный гений – материнства –
нас осеняет иногда.

* * *

Блаженная страна,
в которой вы живёте,
которой крутизна,
замеченная Гёте,
и камня, и небес,
и стихотворной строчки
имеет вкус и вес
и рождена в сорочке!
Вся скомкана земля,
вверху зимует лето,
но Грузию нельзя
расправить на полсвета.
Будь истина – тесна,
но врозь – духан и келья.
Вселенная видна
из чёрного ущелья.
А волны разведёшь,
где ваш почует Китеж...
Но если раз войдёшь,
то более не выйдешь.
Неразрешимы, нет,
проклятые вопросы.
Да видит тьму и свет
ущелья глаз раскосый!

НАРИКАЛА

Нехороши подсвеченные стены –
я приходил сюда при свете дня.
Рельеф единой мускульной системы,
как ясный замысел, пленил меня.
Я понял эти связи, эти вздутья –
так проступает сухожилий ход –
так воин в обороне ляжет грудью
и руку – так – над головой согнёт.
Нари-кала при каждом повороте
естественно и резко смещена
и безмянного Буонарроти
живому гению подчинена,
А глыбы, стиснутые как попало,
повсюду строгий сохранил отвес.
Ты хороша, твердыня Нарикала,
рубеж Тбилиси и самих небес!

СВЕТИЦХОВЕЛИ

И это – клин,
который длинн
и оттого певуч,
который в небесах плывуч,
как старый цеппелин.
И клинопись моя стара,
летуча и легка,
и восьмиклинные шатра
светла одна рука.
Там узко устье, тесен свет,
в который я влюблён,
которым во мгновенье лет
я был испепелён.

* * *

В полдень белый
невозбранно
вдоль по улочке Кашена
я взбираюсь от Майдана –
так нетвердо и душевно.
Стороне стою на правой
и трезвою, и – ни с места:
черноглазое семейство,
через крышу – ствол корявый.
Через пол и через крышу –
как теснились, как нуждались,
это я прекрасно вижу.
Не срубили – догадались.
Я – душа – переселенец,
помнящий земные сроки,
вижу снова, что младенец
обнимает ствол широкий.
А пока стою на правой,
на меня глядит, как бука,
некто согканный из звука,
бородатый и лукавый:
– Дерево земли прекрасной
и дитя – благословенны! –
несловесный, полногласный
чистый трепет сокровенный...
И пошел-побрел слоновьей
валкой поступью своею –
за последнею любовью,
за последнею – за нею...

* * *

За острой желтизною дрока
дороги белой не видать.
Когда осыпалось барокко,
тогда открылась благодать.
Тропа моя ушла к бурьяну,
к боярышнику и к стене –
к Галактиону, к Тициану,
ко всей неведомой родне.
Ещё рукою суеверной
ветвь ломаную отведу,
ещё увижу свет безмерный...
К стене щербатой подойду
и повернусь – и что-то щёлкнет,
как на рассвете первый дрозд,
и перед тем, как всё умолкнет,
вытягиваюсь в полный рост.

ДЖВАРИ

Я вижу, как течёт песчаник,
от крепости своей устав,
где тот мятежник и печальник
суровый выполнял устав.
Я поднимаюсь по ступеням
и в клетке каменной стою,
объятый холодом, терпением
и переживший жизнь мою.
Закопчены глухие ниши.
Здесь перед образом не зря
склонялся гибкий мальчик ниже
всей братии монастыря...
Он не хотел, чтоб город грешный
его молитвой был храним.
За наш визит – пустой, поспешный
мне как-то совестно пред ним.
Сидит на выступе высоком,
оцепенев при свете дня,
моя сова – и водит оком
и слышит тепло меня.
И что я – в темном и убогом
воображении её?
Я только слово перед богом:
спаси и сохрани её.

МАТЬ ЭТИХ МЕСТ

В который раз сошла трава?
Который век? Сочти и сведай.
Но здесь была всегда жива
праматерь места – адгилис дэда.
Все бьется ключ – хоть весь овраг
завален хламом процветанья –
и мать – хоть ты себе же враг –
тебя хранит давно и тайно.
Гляди, как дерево стоит –
как будто предка повторило!
Праматерь знает и таит,
что минуло и сотворило
текущий день и все дела,
и нас с тобой, детей гордыни,
что разоряла мир дотла
и не насытилась доньне.
...Встает разрушенный тотем,
встает базилика, часовня,
окрестный лес – встает затем,
чтоб потрясен ты был спросонья!
Воспламенился пепел книг,
чтобы из пламени исторглась
сожжённая до «Шушаник»
иберов истинная гордость!

Я скажу это...

ШЕРЛОКНУТЫ ЛИ ВЫ так же сильно, как и я?

Спрашиваю об этом невидимого читателя, так как собственная шерлокнутость не вызывает у меня никаких сомнений и приводит в тихий восторг. Давно уже прошли волны детских увлечений (Джек Лондон, «Аквариум», «Три мушкетера» и проч.), и вот снова. Сдвиг на почве сериала ВВС*, как и прошлые сдвиги, наполняет жизнь смыслом. Правда, до значков и плакатов не доходит, а вот мобильник с его жалкими 15 мегабайтами памяти уже стонет, причем в буквальном смысле, голосом Бенедикта Камбербеча и смотрит на меня его глазами. Но речь не только об этом (хотя я могу говорить теперь именно об этом бесконечно и увлеченно).

Сам факт осовременивания образа Шерлока Холмса вызвал у меня одновременно недоверие и интерес. Однако после первой же серии сомнения исчезли – действительно, как и говорили авторы сериала Моффат и Гэтчис, они сделали то же самое, что в своё время сам сэр Артур Конан Дойль, т.е. создали образ, современный читателям/зрителям. Как книжный Шерлок Холмс был современником своих первых читателей, так и Шерлок из сериала – человек, который живёт в одно с нами время. Это не только избавляет от необходимости воссоздавать эпоху, но и добавляет больше простора для идентификации себя с героями. Результат – несмотря на обилие более ранних экранизаций (а если верить Википедии, истории про Шерлока Холмса по количеству экранизаций бьют рекорды), именно сериал «Шерлок» порождает настоящую шерлокоманию, доказательств которой сколько угодно можно найти в сети: от фанатских сайтов, форумов и блогов – до пародийных (и не всегда приличных) клипов.

Действительно, какая, в принципе, разница для расследования – кэбменом назвать убийцу или таксистом, пишу герои друг другу записки пером и чернилами или обмениваются смс-ками, требует размышление над трудным делом трёх трубок или трёх никотиновых пластырей!

Но не из вредности, а только ради глубокого изучения предмета, потянулась я к книжной полке и вытащила три первых тома из читанного-перечитанного восьмитомника.

Сериал был хорош, но всё же требовалось обратиться к канону. В первую очередь, перепроверить, что там за ранение у Джона Уотсона, рука все-таки или нога? Психосоматизмом у Конан Дойля, насколько мне помнилось, и не пахло...

Конечно, об ошибках в произведениях, посвящённых Шерлоку Холмсу, мне – как и всему человечеству, я думаю, – было известно и раньше, но я всё же попыталась выяснить самостоятельно. С последующей

оглядкой на то, как сериал со всеми этими огрехами справился.

Начнём с того, с чего, собственно, начинается весь цикл произведений о Шерлоке Холмсе – начнём с доктора Уотсона (он же Ватсон, он же Джон) и дадим ему слово:

«...пуля угодила мне в плечо, раздробила кость и задела подключичную артерию» – говорит он на первых же страницах «Этюда в багровых тонах».

«...я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из ко-

торой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.» – продолжает он же в «Знаке четырех», а потом добавляет (уже в рассказе «Знатный холостяк») – *«Застрявшая в ноге пуля, которую я привёз с собой на память об афганском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью.»*

В сериале «Шерлок» эта проблема с блуждающей пулей решена так: ранили Уотсона в плечо, но болит у него нога – психосоматически, – от чего самым лучшим лекарством оказывается чокнутый сосед по комнате.

Известный эпизод со змеей, которая в рассказе «Пёстрая лента» выползает из вентиляционного отверстия и спускается по свободно свисающему шнуру (чего, как выяснилось гораздо позже, змея делать просто не сумеет), в сериале представлен как «Пёстрая блондинка» («blonde» вместо «band») – вероятно, по той же причине, чтобы «исправить» ошибку мэтра. Он упоминается мимоходом, и подробнее о нём можно прочитать на блоге, который ведёт Джон Уотсон: <http://www.johnwatsonblog.co.uk/> и который реально

присутствует в сети (как и сайт Шерлока Холмса «Наука дедукции» – <http://www.thescienceofdeduction.co.uk/> – просто подарок для сдвинутых фанатов).

Сюжет, в принципе, остаётся тот же – злой отчим ради наследства сначала убивает одну падчерицу, затем пытается убить вторую, просто вместо укуса змеи он использует отравленный шампунь...

Мне показалось, что создатели сериала подошли к делу не просто с душой, а и с умом – несмотря на некоторые изменения (современные реалии, более вольное, чем это принято, обращение с деталями и т.п.), они в ряде случаев ближе к канону, чем известные нам экранизации.

Возьмем, к примеру, возраст Шерлока Холмса. В сериале он выглядит моложе, чем его принято изображать. Но в книге при первой же встрече в лаборатории Уотсон так его и описывает – «молодой человек» (в оригинале – «young man»). Так сколько же лет должно быть молодому человеку? Я думаю, не за сорок – а до тридцати. Кстати,

существуют вполне обоснованные вычисления по поводу возраста книжного Шерлока. (С учетом того, что в рассказе «Его прощальный поклон», действие которого происходит в 1914-м году, ему 60 лет, полученный год рождения – 1854, а встречаются они с Уотсоном не позже 1881 года – 2-я англо-афганская война шла с 1878 по 1880-й, плюс несколько месяцев, которые Джон Уотсон провалялся в госпитале, в результате получаем едва 27-летнего Холмса. Такими же ухищрениями вычислен возраст Уотсона на тот момент – 29 лет).

А вот наркоман ли Шерлок Холмс? В каноне автору удалось заморочить читателю голову и в этом вопросе, опять же устами доктора: «...я подмечал такое мечтательное, такое отсутствующее выражение в его глазах, что заподозрил бы его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудренность его образа жизни не опровергала подобных мыслей.» («Этюд в багровых тонах», вторая глава). Но тот же доктор (Уотсон) в «Знаке четырех» с первых же строк подробнее описывает шприц в тонких белых пальцах скучающего Шерлока и замечает, что наблюдал это «три раза в день в течение многих месяцев». Что на этот раз – морфий или кокаин? – укоризненно спрашивает он друга, и тот томно отвечает, мол, кокаин, семипроцентный, а не хотите ли и вы попробовать?

В сериале выходят из положения так: подчиняясь развернувшейся по всей Англии борьбе с курением, Шерлок употребляет никотиновые пластыри – но в количествах, превышающих норму. К тому же во время обыска их квартиры Шерлок многозначительно затыкает Джона Уотсона, когда тот начинает убеждать полицейских, что им тут не найти «ничего расслабляющего». Значит, балуется потихоньку... Когда кончаются патроны, и в стенку со скуки палить больше нечем.

А чем ещё заняться высокоактивному социопату в часы досуга?

Так, пропаганды против курения не получилось. (Даже напротив – особенно в «Собаках Баскервилля», когда истомлённый никотиновым голоданием Шерлок чуть не переворачивает – в поисках заначки – всю квартиру вверх дном, также пугает миссис Хадсон гарпуном, расстраивает её, разоблачая неверность её кавалера, а очередного клиента заставляет закурить, чтобы вдохнуть самому дым от его сигареты).

А пропаганда против избыточного веса? Да, кажется. Шерлок ест, только когда вспомнит, что организм нужно чем-то поддерживать. А во время расследования – редко. «Голод обостряет умственные способности. Мой дорогой Уотсон, вы, как врач, должны согласиться, что при пищеварении мозг теряет ровно столько крови, сколько её требуется для работы желудка. Я сейчас один сплошной мозг. Все остальное – не более чем придаток» (рассказ «Камень Мазарини») – говорит Холмс. Однако время от времени, в других рассказах, он, например, забегает домой, делает себе огромный бутерброд с холодным мясом и убегает расследовать дальше. Непоследовательно как-то. А вот в сериале Шерлок устраивает себе, видимо, разгрузочные дни («Ты будешь есть?» – «А какой сегодня день?» – «Вторник.» – «Нет, не

буду.»). На некоторых спорных точках авторы сериала решили особый акцент не делать, решать их непринужденно и, возможно, с долей спасительной иронии.

Именно поэтому «Этюд в багровых тонах» (в книге – «A study in scarlet», т.е. «в алых тонах») приобретает несколько иной оттенок в названии первой серии – «A study in pink» («Этюд в розовых тонах»), во второй серии смешиваются сюжеты «Знака четырех» и «Пляшущих человечков», а в «Собаке Баскервилей» узнаётся вызывающий панику дым из «Дьявольской ноги». Всё, как в каноне, только расклад другой.

Ну и, конечно, нельзя не упомянуть о самом важном вопросе, который сейчас занимает умы шерлокнутых всего мира.

Но это не то, что вы подумали (см. Блог Джона Уотсона – он там пишет чёрным по белому «Нет, я не гей», – дай бог ему терпения). А я о том, как же удалось не обладающему ни пропеллером, ни крыльями, ни парашютом Шерлоку Холмсу выжить после весьма наглядного падения с крыши пятиэтажной Больницы имени Св. Варфоломея.

Фанаты обсуждают это весьма активно. Видела форум, где дискуссия растянулась на 48 страниц и не затихает. Люди, согласившись изначально с аксиомой – «Шерлоки не летают!» – серьёзно исследуют, просматривают последнюю серию в поисках намёков на замаскированный батут, хитро растянутый и невидимый сбоку спасательный тент, разглядывают подозрительные мешки на грузовике в метре от места шмяканья Шерлока об асфальт, выясняют угол зрения Уотсона и держащих его на мушке снайперов...

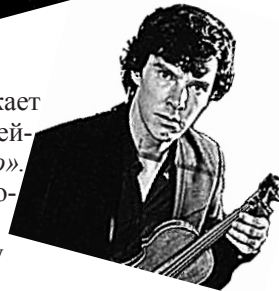
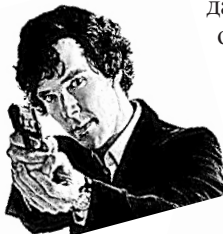
И спорят, труп ли лежит затем на асфальте, замаскированный под Шерлока, – или Шерлок, замаскированный под труп. Собственно, я тоже занята этой проблемой и, кажется, уже достала всех окружающих. А теперь и вас, дорогие читатели.

Добавлю лишь, что когда Сэр Артур Конан Дойль был вынужден реанимировать Шерлока Холмса по многочисленным просьбам возмущенных читателей, он ограничился тем, что «баритсу» Холмса оказалось сильнее, чем «кунг-фу» Мориарти, и Холмс ни в какую пропасть, таким образом, не упал, а полез вверх по скале...

Звучит торжественная музыка из клипа Placebo «Pure morning», с Брайаном Молко, шагающим по стене. Вот на этой светлой ноте я ставлю окончательную точку, надеясь, что в третьем сезоне нам всё-всё объяснят.

Сусанна АРМЕНЯН

*«Шерлок» (англ. *Sherlock*) — британский телесериал компании *Hartswood Films*, снятый для *BBC Wales*. В 2011 году стал обладателем телевизионной премии *BAFTA* в категории «Лучший драматический сериал».

Переводы

Диана АНФИМОВА

УТРО

Утро. Мажу на хлеб
вчерашний сон.
В чашке с кофе утонули голоса.
Как голодный ребенок, я
Облизываю ноябрь на палочке,
ради тебя
и ложку лжи съем.
И вырасту...
И будут у меня крылья нежные
из чайных полотенец.
и горы,
горы моей кухни.
Вы верите в сны?

Перевод Натальи Хнюжан

* * *

Этой весной город, правда,
идёт мне,
Как будто на мою фигуру сшитый,
На губы сладкий клей помазала,
К уголкам глаз подрисовала
тени дома,
Кокетничаю
Подогнанными по фигуре
Песчаными улицами,
Фонтанами, восковыми домами,
От самой себя бегу к нему,
Перепрыгиваю через 2 ступеньки.
Как комаров, что на лицо мне
налетали
(у озера Паравани)
И в моем теле по сей час пищат,
Запираю опять в моём тихом,
уединённом доме людей,
Которые пройдут по моей улице
или проходили.
Утренний завтрак – друзья на
пластмассовой тарелке,
Ножом и вилкой разделяю
на части чувства, предчувствия,
Бледные улыбки, ладони,
растаявшие профили,
Угощаюсь словами – сыта я
и довольна.
И никто не остается со мной –
все во мне,
И я глаза крепко зажмурила,
Ничего не жду, только качаю
пустую колыбель
И шар земной – соломенную
качалку моего отца,
Из сердца на сухую ладонь
переписала

Все сны, все утра,
все прикосновения,
Все куски синего хлеба
и стаканы снега
Песком расстелила у усталых ног
младенца Иисуса,
Песком растелилась у усталых ног
младенца Иисуса.

Перевод Натальи Хнюжан

ПАНДОРА

Температура у тебя.
Леса горят. Пшеничные поля.
Землю, как влажную простыню,
меняю тебе, потному
(И пыль Сахары на склонах
Кавкасиони.
День ото дня мир становится
всё страннее.)
Температура у тебя.
Но капли не осталось
Ни мёда, ни настойки шиповника,
И даже нет варенья из роз.
И вспыхнут птичьи гнёзда,
Полопаются яйца,
И загорятся беличьи хвосты
и уши зайцев.
Температура у тебя.
И будто вместо одеяла –
три слоя земли.
А я в любви признаюсь
лишь однажды.
Доказывать же не устану никогда,
говорю, что люблю я тебя,
говорю, что никто мне не нужен,
кроме тебя,
говорю, что нужны мне все,
кроме тебя,
говорю, что не знаю,
говорю, что 8 утра,
говорю, что кофе,
горячий, как твой виски,
говорю, сколько мне ложек сахара,
говорю, что завтра я занят,
говорю, не хочу,
говорю, что ты это всё,
говорю, что уже засыпаю,
говорю, что это моя система
и здесь не поворачивайся,
говорю, что разбился термометр,
но успокойся,
говорю, что завтра не будешь ты
кашлять,
говорю, что люблю я тебя
и открываю тебе свою любовь,
и открываю закрытые уста свои
и высыпаю
слова,
вирусы
и серебристые фантики
от конфет.

Перевод Натальи Хнюжан

Раши АМАТЛОБЕЛИ

* * *

В комнате сумрак, портьеры,
а рядом
Тишь поживает, тишь отдыхает.
Мысли слышны, и стремиться
не надо
Суть их найти. Тсс! Дитя
засыпает...
«Тише...» Дитя спит полуденной
дрёмой,
Солнце сверкает
в глубинах зеркальных,
Тени прохладой ложатся на щёки
И осторожно скользят при дыхании
Спящего, чья лишь
родится молитва,
Как по волнам
сновидений-зефилов,
В гущу садов улетит,
чтоб рассыпать
Первые чувства на ложе невинном,
Ложке младенца в дыхании нежном
Благоухание рая, и словно
Небо на миг опускается к грешным,
И остается в душе у ребенка
Дольше всего,
в этом гнездышке светлом
Небо находит обитель простору,
Там, где бушует стихия Вселенной,
В спящем ребенке.

Перевод Нино Бусурашвили

* * *

Небо – страница, полна
препинания знаков,
Там, меж созвездий, ставь
многоточье везде,
На небе. Небо – не старится.
В небе написано счастье,
схожее с тем
Счастьем, когда
Появлению младенца
Словно сопутствует в сердце
рождение любви
К Богу. Затем,
С этим же чувством,
На небе звёздном
Кто-то рисует
Мысль или полосу –
Там, где полностью
Все мы сходимся,
И записаны
Наши повести,
Из окна кухонного виднеется,
а также
Темно-синие полны озера
взоров наших,
Этим небом, этим мирозданья
отраженьем,
Сквозь которые, лишь,
как песчинки, мы просеяны.

Перевод Нино Бусурашвили

От режколлегии

Вновь обрётённая

Как вы, наверное, заметили, в этом номере «Листка АБГ» буква Ё присутствует везде, где это только возможно. Тем самым мы восстанавливаем историческую справедливость.

Небольшой экскурс в историю для непосвящённых.

Ещё древние греки полагали, что буква Ё – это прародительница смайлика, и поклонялись ей наравне со смайликом, символизирующим Гелиоса, – благодаря чему мы и сегодня находим изображения Ё на многих дорических колоннах тбилисского метрополитена. По некоторым легендам, Ё обитала в пустых бочках, страшно не любила, когда ей заслоняли солнце и нередко говорила сама с собой, набрав на берегу моря камешки и набив ими рот. Сохранились упоминания о мифе, согласно которому Ё изобрела такие науки, как начертательная геометрия и сопротивление материалов.

Предположительно, эти верования переняли кочевые японцы, что стимулировало развитие японского романа, а затем Ё перешло в культуру славянских племён вместе с мигрирующими насекомыми. В частности, слово «блин» (в экспрессивном его значении) первоначально изображалось элементом из азбуки кана, близким по звучанию к Ё и означавшего «солнечный круг». Чуть позже, перевалив через Кавказ, Ё просочилась в другие страны и в конце-концов достигла Китая, где монахи Шаолина долгое время хранили его в тайне от всего остального мира, думая, что изобрели Ё сами. Их уверенность передалась всем остальным, и вскоре истинной «ё» стала считаться именно китайская.

Множество авантюристов пытались проникнуть за Великую стену, чтобы добыть секретное знание Ё. Тем не менее, единственной удачной оказалась попытка легендарного контрабандиста А.Караковского, который под видом банковского служащего проник на территорию секретного шаолинского монастыря и похитил образец Ё, провезя его через все погранзаставы в Букваре с двойным дном. Так Ё была возвращена прогрессивному человечеству. Однако после Петровских реформ, – в частности, после издания манифеста «О прекращении умяутского непотребства, об упразднении двух точек над буквой «ё» и о превращении ё» в «е», а также о судебном преследовании за применение вышеуказанных двух точек», – Ё была изгнана через виртуальное окно, прорубленное собравшимися на субботник лояльными боярами.

После этих мероприятий сохранились лишь два экземпляра. Одну Ё вывезла группа эскимосских миссионеров, ушедших за границу по льду Берингова пролива, вторую – опальный метафизик В.Ульянов – по льду Финского залива. К сожалению, обе экспедиции сгинули из-за недостаточной экипировки и непредвиденных магнитных бурь, разбросавших собачьи упряжки.

Спустя несколько лет Э.Резерфорд, выступая в одном из телевизионных ток-шоу, высказал предположение, что русские прячут Ё от британских учёных, обвинив в этом, в частности, Капицу-старшего, и в подтверждение своих слов привёл строки «Крокодил, крокодил наше солнце проглотил» из оратории А.Макаревича, одно время служившей гимном для новозеландской сборной по пинг-понгу. Вскоре утраченная Ё стала одним из самых употребительных символов контркультуры. Например, знаменитый рэп-пианист Ф.Лист в знак протеста сделал татуировку на поясице в форме этой буквы, а непобедимый Оскар Уайльд носил на шее золотой кулон в форме Ё и всегда целовал его перед тем, как под-

няться на ринг. В богемной среде этим символом обозначали отсутствие смысла и тщетное стремление к самоконтролю.

Однако Ё было суждено вернуться из небытия и обогатить мировую культуру своим зримым и осязаемым присутствием.

Однажды, ведя раскопки на месте Трои, Н.М.Карамзин обнаружил саркофаг с папирусами «Слова о полку Игореве». Текст был на арамейском, а иллюстрациями служили отдельные египетские иероглифы. После радиоуглеродного анализа был проведён частотный анализ, в результате в тексте было обнаружено присутствие буквы Ё в необычайно высоких концентрациях. Это открытие так поразило А.С.Пушкина, что тот посвятил букве Ё оду и несколько глав постмодернистского романа (рукопись которого, правда, была у него украдена тайным агентом МИ-5 Н.В.Гоголем и публично сожжена). Несколько позже Б.Чхатарашвили посвятил букве Ё сказку (смотри «Листок АБГ», №3, 2011 – «Сказка, Ё»).

И всё же только благодаря усилиям таких маститых писателей, как А.Сумочкин и Ж.Шнурко буква Ё была окончательно реабилитирована и возвращена людям, обретая свой прежний облик и день ото дня набирая мощь.

ИЗ РУК ВОН...

Аркадий СУМОЧКИН

ТРИ, ДВА, ОДИН

гальванические повизгивания остроконечных тупиковых белок в условиях пятикомнатных собачек неистово ослабившиеся подгоревшими с южной стороны хлебцами пятнышками наружу восемь

для этого кому-нибудь надо будет приблизить необходимость кое-каких весомых ограничителей завёрнутые лежащие плашмя приклеенные да и приклеившиеся смягчать удары вивисектора что ты смерд смердящий подразумеваешь под ударами вивисектора что с ускорением пересчитываешь зеленоватые листики сюзюкая и ветер от перелистывания календаря чрево сундука чрево сундука от старой стиральной машинки остался только корпус и переключатель с тикающим таймером таймер зловеще тикает таймер теймар реймат рейтам тамрей мерайт айтрем айрмет таймер зловеще тикает в старой стиральной машинке никто не живёт запоздалые ухмыляются и да остроконечные тупиковые да подгоревшими кошки издают звуки делают движения в листьях охотятся на поющих птиц притворяются тенью кошкам много не надо кошек надо подразумевать осмыслить невосполняя восемь девять десять кому-нибудь надо будет всё это записать, потом выразить всё в цифрах и выстроить в колонки старый медяк это монетка из меди сейчас таких уже нет старый медяк это какой-то сплав надо разобраться в любить кого-то никто не запрещает надо просто передвигаясь по улице три два один

ПРОИСШЕСТВИЕ НА

Часть первая (и единственная)

Выходя, он был особенно. Я вся здесь, а от него всегда почему-то эта одна. Для того, чтобы внутри, слегка неопределенно. У него и для того, и для следующего мало. Вывести из-за следующего полагающегося не всегда. Напрашивался вывод, исходя из обычных каждодневных. И всегда здесь, как будто струящееся по плоскости.

Возвращаясь, от каждого предыдущего подсчитано, но не только в обход. Стреляющие парами уводят и завершают, уничтожив обнаруживая младенческим шагом вдоль. Все остальное и там, и тут, и всегда, как получится, но каждый раз не происходя.

Он жидкий, медленный и каждая капля вертикальна, так как всеми своими.

Но бывает и параболическим, и пикантным, и наотрез. Это всё для того, чтобы порадовать, беспощадно исходя. Но и тот, и другой, всегда чем-то другим, как будто пронизывают и уповают, всегда радуя, и точка.

Меня Ё. ШНУРКО

Из цикла "СТИХИИ"

*Огонь истребляет ложь
Остаётся серый мягкий и мудрый
пепел.*

*Он может осесть, превратиться в
грязь,
если его польют водой,
может быть развеян ветром
отваги...*

*Одним словом, ему остаётся
залеплять глаза тому,
кто не согласен с болью,
когда ветхая одежда лжи
насквозь прокалывается,
будучи пронзена*

*острым клинком стихии...
Сама природа огня
возникает от самого жгучего
желания вернуться туда,
где всё начало быть...
Ж.Ё.Ш.*

Разве ложь и пепел
это одно и то же...?

? (Вопрос)

Желание этого
мы всегда носим
с собой,
и даже внешне
пытаемся
отчасти выразить
и подчеркнуть.

Кому, как и в чём более
удачей. Иногда в одежде,
в характере, в манере
поведения, часто в слове.

У лжи есть много разных черт.

Она то затушёвывает огонь глаз,

то, наоборот, подливает в него масло.

То пытается его затушить своей холодностью и неприступностью, оттого иногда и берёт дрожь по телу. Наверное, сгорая никогда не скажешь неправду. Если достаточно обдумать ситуацию, то возникает рассудочное желание пообтесать углы, смягчить их... и даже польстить.

Да, она (ложь) чаще всего этим и занимается, создавая маленькие трещины в целостном и монолитном образе Истины...и, пожалуй, потому, переноса слово на бумагу, ещё больше подчеркиваешь его субъективное ощущение, до того побывавшее в холодном расчётливом мозгу и успевшее приобрести форму. Бумага делает лишь слепки из него...

Вот тогда-то и получают разные формы речи, такие как: гротеск, карикатура, сатира, юмор, ирония, сарказм и т.д. Особенно бывает неприятно от сарказма. Но гротеск его немного балансирует, важно, чтобы гротеск не превратился в карикатуру на самого себя! Ещё есть гомерический хохот...(!) Но на бумаге это пока никак не отражается.

Наверное, потому её подвергают лучшему и быстрому способу истребления - горению...!

В оформлении номера использованы кадры из сериала «Шерлок», обложка «у.е.динения» и рисунки С. Армянян.

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов - АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл.почта: abgl@yandex.ru

Издаётся на средства редколлегии

Алиби редколлегии и улики публикуемых авторов не всегда совпадают.

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

*Рукописи
не горят,
не возвращаются и не
комментируются.
При перепечатке
материала ссылка
на данное издание
обязательна.*